

Прохорова Марина Леонидовна

доктор юридических наук, профессор
кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета

Лупарев Евгений Борисович

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой
административного и финансового права
Кубанского государственного университета

Горенко Максим Геннадьевич

студент магистратуры юридического факультета
Кубанского государственного университета

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: PRO ET CONTRA

Аннотация:

В статье рассматриваются проблемы, возникшие в уголовно-правовой доктрине и правоприменительной практике в связи с возвратом в отечественное уголовное законодательство норм с административной преюдицией. Анализируются понятие административной преюдиции, а также вопросы, возникающие при применении данного института. Представлены различные подходы (в контексте «за» и «против») к рассмотрению указанного феномена. Поскольку в теории и правоприменительной практике в настоящее время отсутствует однозначное понимание административной преюдиции как уголовно-правовой категории, а законодатель идет по пути активного ее внедрения в положения уголовного закона, предлагается более тщательно урегулировать институт административной преюдиции в уголовном праве. Так, в частности, целесообразно закрепить в УК РФ понятие административной преюдиции, а также соблюдать определенные правила формулирования преюдициальных норм в целях обеспечения унифицированного подхода к их конструированию.

Ключевые слова:

уголовное право, административное право, преступление, административное правонарушение, преюдиция, административная преюдиция, общественная опасность, общественная вредность, принцип справедливости, уголовно-правовая политика.

Prokhorova Marina Leonidovna

LL.D, Professor,
Criminal Law and Criminal Studies
Department, Kuban State University

Luparev Evgeny Borisovich

LL.D, Professor,
Head of the Administrative
and Financial Law Department,
Kuban State University

Gorenko Maksim Gennadyevich

PhD student, Law Faculty,
Kuban State University

ADMINISTRATIVE PREJUDICE IN CRIMINAL LAW: PRO ET CONTRA

Summary:

The paper discusses the problems that occurred in the criminal law doctrine and in the law-enforcement practice because of the return of the rules with administrative prejudice to the domestic criminal law. The concept of administrative prejudice and the issues arising from the application of this institution are analysed. Various approaches (in the context of the pros and cons) to consideration of this phenomenon are represented. Since there is no unambiguous understanding of administrative prejudice as a criminal law category in theory and law enforcement practice at the moment, and the legislator follows the path of active introduction it into the provisions of the criminal law, it is proposed to more carefully regulate the institution of administrative prejudice in criminal law. In particular, it is advisable to fix the concept of administrative prejudice in the Criminal Code of the Russian Federation, as well as to observe certain rules of the formulation of prejudicial rules in order to ensure a unified approach to their construction.

Keywords:

criminal law, administrative law, crime, administrative offence, prejudice, administrative prejudice, public danger, social mischief, principle of justice, criminal law policy.

Динамично развивающиеся общественные отношения определяют содержание российского права, периодически претерпевающего под воздействием тех или иных факторов различные видоизменения и трансформации. В современном уголовном праве России происходит процесс возрождения института административной преюдиции, имеющий неоднозначный характер. Его «неоднозначность» обуславливают два противоположных явления – декриминализация, выступающая следствием демократизации и либерализации современной уголовно-правовой политики, и криминализация, которая, напротив, свидетельствует о расширении рамок уголовной репрессии. Возникает закономерный вопрос: к какому из означенных векторов тяготеет названный процесс?

На сегодняшний день очевидным является только то обстоятельство, что вопросы, касающиеся функционирования названного далеко не нового для отечественного уголовного права института, обретают статус приоритетных.

Возвращение к нормам с административной преюдицией, тем не менее, не повлекло формулирования законодателем ее нормативной дефиниции. Если обратить внимание на некоторые иные отрасли российского права, такие как гражданское процессуальное, арбитражное процессуальное, уголовно-процессуальное, можно увидеть, что они определяют категорию «преюдиция» в ст. 61 ГПК РФ, ст. 69 АПК РФ, ст. 90 УПК РФ соответственно. Однако в данных нормативно-правовых актах указанный термин означает то, что уже установлено и не требует доказывания. В уголовно-правовом смысле преюдиция имеет иной смысл и содержание – это тоже установленное и юридически закрепленное, но не связанное с доказыванием, а предопределяющее возникновение преступления, лежащее в основе его «рождения», предшествующее ему.

Административная преюдиция в отечественном уголовном праве, как известно, имеет свою историю. Так, например, рассматриваемая категория обнаруживает себя в ч. 1 ст. 79 УК РСФСР 1922 г., где предусматривалась «кара» в виде административного взыскания за совершенные *впервые* неплатеж гражданами или отказ от платежа обязательных выплат в пользу государства, а также от выполнения повинностей [1, с. 476]. Однако широкое применение в законотворческой практике названный институт получил во время действия УК РСФСР 1960 г. Административная преюдиция присутствовала более чем в двадцати статьях Особенной части: ст. 162.4 («Незаконное предпринимательство»), ст. 166 («Незаконная охота»), ст. 197.1 («Нарушение иностранными гражданами или лицами без гражданства правил пребывания на территории СССР и транзитного проезда через указанную территорию»), ст. 224.3 («Незаконные приобретение или хранение наркотических средств в небольших размерах») и некоторых других [2, с. 692–693, 695–696, 720, 742].

Следует отметить, что, несмотря на достаточно длительное присутствие в отечественном уголовном законе, термин «преюдиция» исследован недостаточно. На сегодняшний день отсутствует его однозначное понимание в правоприменительной деятельности и науке. В российском законодательстве, как отмечено ранее, легальное понятие административной преюдиции не закреплено. Более того, первоначально УК РФ 1996 г. от нее вовсе отказался. Возможно, решение, принятое законодателем, основывалось на мнении противников административной преюдиции, которым удалось одержать верх. Казалось бы, сторонники регламентации в УК РФ преюдициальных норм были «побеждены», однако законодатель вновь начал фрагментарно возвращать нормы с административной преюдицией в уголовный закон. Это породило новую волну дискуссий по означенной проблеме. Для нее характерно наличие двух противоположных позиций. Согласно первой, административная преюдиция – это позитивное явление, приводящее к конструктивному симбиозу административного и уголовного права [3], согласно второй – негативное, разрушающее устоявшуюся систему уголовного права [4, с. 66].

Понятие административной преюдиции, отсутствующее в уголовном законе, разработано исключительно на доктринальном уровне. Авторские определения сформулированы такими исследователями, как Ч.Ф. Мустафаев, И.О. Грунтов, В.П. Малков, Н.А. Лопашенко и рядом других.

Так, Ч.Ф. Мустафаев под административной преюдицией понимает ситуацию, в которой основанному на законе и обоснованному привлечению к административному наказанию за правонарушение придается значение обязательного предварительного условия, необходимого для придания статуса преступления совершенному после этого тождественному по объективным признакам деянию [5, с. 8].

И.О. Грунтов усматривает суть оцениваемого феномена в преюдициальной связи, возникающей между аналогичными административными проступками, совершенными в течение года после наложения на лицо административного взыскания за один из них, что порождает основание уголовной ответственности при совершении второго проступка в случаях, регламентированных имеющей соответствующую конструкцию статьей уголовного закона [6, с. 7].

Строго говоря, принципиальных различий в представленных и иных разработанных в уголовно-правовой доктрине дефинициях административной преюдиции нет. Все они содержат указание на неоднократное (повторное) совершение административных проступков. Последние, разумеется, должны быть тождественными или, по крайней мере, однородными по своему содержанию, обладать сходными объективными и субъективными признаками. За предшествующее (или предшествующие) правонарушения лицо должно быть привлечено к административной ответственности, на него должно быть наложено административное наказание. В свою очередь совершение повторного деяния, но обязательно в пределах определенных установленных законом сроков, и порождает основание уголовной ответственности, а содеянное обретает статус преступления [7, с. 81]. Деяния, предусматриваемые уголовно-правовыми нормами с админи-

стративной преюдицией, по уровню вредоносности соответствуют административному проступку, но их неоднократное совершение обладает в определенных случаях «накопительным» эффектом, способствует формированию устойчивой антисоциальной установки личности, проявлению черт криминального профессионализма, что требует более серьезной реакции государства на подобные модели поведения.

В действующем УК РФ в настоящее время насчитывается 11 статей с административной преюдицией. К таковым относятся статьи 116.1, 151.1, 157, 158.1, 212.1, 215.3, 215.4, 264.1, 282, 284.1, 314.1. Это, в частности, «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию»; «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию»; «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования»; «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию»; «Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений» и др.

Активная деятельность по формированию норм с административной преюдицией развернулась после того, как в 2009 г. в ежегодном Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ прозвучало, что административную преюдицию стоит шире использовать в уголовном законе [8]. Кроме того, в п. 42 Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г. отмечается, что модернизация нормативного правового регулирования антинаркотической деятельности предполагает более широкое использование административной преюдиции.

Важно отметить, что нормы с административной преюдицией сконструированы по различным правилам юридической техники, что порождает определенные сложности в правоприменении. Стоит начать с того, что законодатель напрямую не использует термин «административная преюдиция», применяются такие категории, как «систематичность», «неоднократность», «лицо, подвергнутое административному наказанию», «предыдущее привлечение к административной ответственности».

Еще одной особенностью конструирования «преюдициальных» норм в УК РФ является то, что указание на административную преюдицию может либо содержаться в названии статьи (например, ст. 264.1 УК РФ), либо регламентироваться в примечании к ней (например, ст. 151.1 УК РФ), либо фиксироваться в диспозиции статьи (например, ч. 1 ст. 215.3 УК РФ), либо прописываться одновременно в названии статьи и диспозиции (например, ст. 158.1 УК РФ).

В законе неоднозначно решаются вопросы определения количества предыдущих проступков и времени, в течение которого административную преюдицию можно принимать во внимание. В одних случаях необходимо наличие второго правонарушения в течение одного года после совершения предшествующего проступка (к примеру, ст. 116.1, 151.1, 157, 158.1 УК РФ), в других требуется совершение третьего правонарушения в течение 180 дней (к примеру, ст. 212.1 УК РФ) или одного года (к примеру, ст. 284.1, 314.1 УК РФ).

Применительно к рассматриваемой проблеме заслуживающим особого внимания и обсуждения нам видится круг вопросов, связанных с квалификацией и назначением наказания в случаях приготовления ко второму административному проступку или покушения на него. Остается открытым вопрос о допустимости соучастия в подобном преступном деянии, так же, впрочем, как и о возможности проявления множественности преступлений, например, такой ее формы, как рецидив. На данные вопросы мы обратим более пристальное внимание далее.

Итак, унифицированный подход к пониманию административной преюдиции отсутствует, ее наличие в законе поднимает целый ряд значимых вопросов, в связи с чем и сформировались противоборствующие позиции относительно названного феномена.

Основные аргументы против использования административной преюдиции в уголовном праве следующие.

1. Общественная опасность нескольких совершенных административных правонарушений остается неизменной. Повторно совершенные административные проступки не могут трансформироваться в преступления, поскольку между ними наличествуют не количественные, а качественные различия. В пользу данного аргумента выступали, в частности, Н.Ф. Кузнецова и В.С. Комиссаров, говоря о том, что административное правонарушение, сколько бы раз и сколькими бы лицами ни совершалось, все равно не может в конечном итоге образовать преступление, как «сто кошек не могут приобрести качества тигра» [9, с. 7]. Действительно, традиционно административные проступки не представляют большой общественной опасности, чем они, собственно, и отличаются от преступлений. Кроме того, такой признак, как «общественная опасность», присущ исключительно преступлению. Что касается административного права, то в характеристике административного проступка наличествует признак общественной вредности, который своим содержанием качественно отличается от уголовно-правового подобию. Так, по мнению Д.Н. Бахраха, проступкам не

свойственна общественная опасность, они являются собой «общественно вредные, антиобщественные деяния» [10, с. 524–525; 11, с. 30–32]. Считает обоснованным придание признака вредности административному правонарушению и П.П. Серков [12, с. 49].

Вместе с тем нельзя не вспомнить фундаментальный закон диалектики Гегеля – переход количественных изменений в качественные. Без сомнений констатируем, что неоднократно совершенные административные проступки существенным образом сказываются на уровне роста общественной опасности в уголовно-правовом ее понимании, не говоря уже об уровне общественной опасности деятеля, их исполняющего.

2. Институт административной преюдиции нарушает правовую природу двух самостоятельных отраслей права, за счет чего размываются границы применения их норм. Критерием разграничения проступков и преступлений становится факт предшествующего наложения взыскания в административном порядке, что нивелирует различия между ними. Такой подход представляется несколько механистическим. Вряд ли разграничителем двух разновидностей правонарушений в рассматриваемой ситуации выступает исключительно предварительное привлечение к административной ответственности. Ранее шла речь об известном законе диалектики: и если мы не можем констатировать «накопление» потенциала общественной опасности деяния, то вправе говорить о качественном изменении личности деятеля, допускающего повторение правонарушения. При этом стоит заметить, что в специальной литературе давно наметился отход от признания за признаком общественной опасности исключительно объективного содержания [13]. Кстати, стоит заметить, что сторонниками более широкого использования административной преюдиции в уголовном праве выступают и представители административно-правовой доктрины, не опасаясь, что такой подход лишит представляемую ими отрасль самостоятельности [14, с. 63].

3. В административном праве существуют собственные механизмы усиления наказания. К примеру, виновному лицу активно назначается за совершение проступков, предусмотренных некоторыми нормами КоАП РФ, штраф в двойном размере за повторно совершенное административное правонарушение. Так, часть 5 ст. 12.15 КоАП РФ («Нарушение правил расположения транспортного средства на проезжей части дороги, встречного разъезда или обгона») предусматривает ответственность за повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 указанной статьи. Часть 3.1 ст. 12.16 КоАП РФ («Несоблюдение требований, предписанных дорожными знаками или разметкой проезжей части дороги») также определяет наказание за повторное совершение проступка в виде движения по дороге с односторонним направлением. Действительно, это так. Но административные проступки, в свою очередь, тоже неоднородны, обладают различным уровнем общественной вредности. Поэтому в одних ситуациях их повторное совершение не влечет выхода содеянного за рамки названного показателя, в иных же, вкупе с накоплением общественной опасности лица, совершающего правонарушение, вполне может обретать уже иной, более «высокий» статус.

4. Суть административной преюдиции заключается в назначении наказания не за общественно опасное деяние, а за поведение личности. Таким образом, законодатель избрал приоритетным формальный признак повторности. Повторное совершение правонарушения не трансформирует его в качественно новое явление (преступное деяние), за которым следует уголовная ответственность, так как повторность представляет собой явление, характеризующее личность совершившего преступление, а не его деяние [15, с. 59]. Отмечая, что личность преступника учитывать необходимо, в частности при назначении наказания, противники преюдиции указывают, что неправильно сводить все к ней, не обращая внимания на то, что наказание назначается не за стойкую антисоциальную позицию личности, а за совершение установленных в уголовном законе преступных деяний [16, с. 199]. В этой связи А.Г. Кибальник пишет, что административная преюдиция нарушает фундаментальный принцип уголовного права – принцип справедливости [17, с. 123]. Некоторые контраргументы данному положению будут представлены далее.

5. Нарушается принцип «non bis in idem». Сторонники данной позиции апеллируют к тому, что уголовное наказание назначается с учетом предшествующего привлечения к административной ответственности. На первый взгляд может казаться, что конкретный административный проступок получает двойную оценку со стороны правоприменения, что порождает двойную ответственность. Однако, по нашему мнению, это не так, ибо лицо повторно совершает уже другое правонарушение, которое подвергается отдельной квалификации. Если посмотреть на формулировку принципа справедливости в УК РФ (ч. 2 ст. 6), то очевидно, что он не допускает привлечения к уголовной ответственности лица дважды за одно и то же преступление. В случае же с административной преюдицией лицо совершает уже качественно новое правонарушение, за что и подвергается впервые уголовному наказанию.

Если занять позицию сторонников рассматриваемого института (а мы относимся именно к таковым), можно привести следующие доводы.

1. Повторно совершаемые административные проступки свидетельствуют о повышенной общественной опасности виновного лица. В настоящее время существует такое понятие, как криминальный профессионализм. При отдельных его проявлениях лицо знает, что за свое конкретное противоправное деяние, совершенное сколько угодно раз, понесет административную, а не уголовную ответственность. Так, преступник, осведомленный о норме, предусматривающей ответственность за мелкое хищение на сумму не более 1 000 р., знает, что уголовной ответственности подлежать не будет, причем независимо от кратности совершения подобного правонарушения. Если такое лицо будет задержано в месте своей антиобщественной деятельности (торговые центры, магазины, вокзалы, кафе, автостанции и пр.) сотрудником правоохранительного органа, то «отделается» лишь составлением в отношении него административного протокола (конечно, если речь не идет о наличии в содеянном обстоятельстве, указанных в ч. 2–4 ст. 158 УК РФ). Своим поведением «мелкие воришки» причиняют весомо больший ущерб интересам государства, организациям, частным лицам по сравнению с единично совершенным аналогичным преступлением.

Справедливым видится мнение А.З. Рыбака, который в ответ на то, что «сто кошек не могут приобрести качества тигра», выразился следующим образом: личность человека-преступника такова, что если в первый раз он похитил полено, то затем, чувствуя свою безнаказанность или «мягкость» наказания, он решит похитить вязанку дров, а потом и всю поленицу, так «из кошки появится саблезубый тигр» [18, с. 117].

В.П. Малков вполне обоснованно полагает, что виновное лицо при повторно совершаемых правонарушениях, демонстрируя повышенный уровень общественной опасности своей личности, бросает вызов обществу, нередко это сопрягается с постепенным формированием у него преступного профессионализма [19, с. 25].

В связи с этим административная преюдиция наделена предупредительным воздействием в отношении возможного совершения повторных правонарушений, что особенно актуально, как отмечено ранее, применительно к противодействию профессиональной преступности.

Следует учитывать и то, что институт административной преюдиции может быть использован не только в целях предупреждения преступности, но и в ракурсе либерализации уголовного закона – в русле декриминализации впервые совершаемого признанного преступлением деяния, на что уже указывалось в специальной литературе [20, с. 48, 52].

2. Административная преюдиция – это феномен, объединяющий уголовное и административное право. Таким образом формируется концепция единой охранительной системы. Отметим, что уголовное и административное право различны по своей природе, они используют разные механизмы реализации, каждому из них присущ собственный предмет и метод, принципы и средства воздействия, а также последствия, наступающие при применении тех или иных норм. Вместе с тем указанные отрасли российского права имеют ряд сходных черт. Так, общим для них участником правоотношений выступает государство в лице правоохранительных органов, решения которых носят беспрекословный и обязательный характер для всех. И уголовное, и административное право носят кодифицированный характер – их нормы представлены в кодексах. Следующим сходством означенных отраслей права является то, что они обе предусматривают негативные последствия за нарушения их положений. Самое главное, что перед указанными отраслями стоит генеральная задача – охрана интересов личности, общества и государства, отсюда и множество пересекающихся норм, в том числе преюдициального толка.

3. Административная преюдиция способствует реализации принципа экономии уголовной репрессии. Она оказывает предупредительное воздействие на нарушителя, поскольку последний, совершив административный проступок, будет осведомлен о возможной уголовной ответственности при условии последующего совершения им аналогичного правонарушения. Кроме того, преюдициальные нормы способствуют сокращению численности лиц, подвергнутых такому виду наказания, как лишение свободы. Реализуя данный вид наказания, государство ежедневно тратит огромные средства на содержание виновных в совершении преступления.

Затрагивая вопрос о соучастии в преступлении с административной преюдицией, стоит указать на одно условие, при котором такое соучастие возможно. Лица, совершившие означенное преступное деяние, должны быть все в прошлом привлечены к административной ответственности за данное деяние. Если же такой характеристикой один из соучастников обладать не будет, то его действия подлежат квалификации по соответствующей статье КоАП РФ.

Открытым остается вопрос о возможности приготовления ко второму административному проступку или покушения на него. Отметим, что такая возможность имеется, и норма, регламентирующая институт неоконченного преступления, распространяется на преступления с административной преюдицией. Примером служит судебная практика. Деятельность по приготовлению

латентна, об этом свидетельствует отсутствие судебной практики в данной сфере, однако применительно к покушению она имеется. Так, приговором Усть-Лабинского районного суда Краснодарского края лицо было осуждено за покушение на мелкое хищение по ч. 3 ст. 30, ст. 158.1, ч. 3 ст. 30, ст. 158.1 УК РФ [21].

На вопрос о возможности проявления множественности преступлений, к примеру, такой ее формы, как рецидив, есть однозначный ответ. Рецидив здесь уместен, однако легальным характером он обладать не будет. В такой ситуации усматриваются признаки формального (криминологического) рецидива, который можно определить как совершение нового преступления лицом, ранее подвергнутым иным законным мерам воздействия за совершение противоправного деяния, независимо от наличия или отсутствия снятой или непогашенной судимости или истечения срока, в течение которого лицо считается подвергнутым наказанию.

Таким образом, несмотря на очевидность того, что нормы с административной преюдицией стали обычным явлением в действующем УК РФ, споры об обоснованности их присутствия в этом нормативно-правовом акте не прекращаются. На наш взгляд, стоит более детально урегулировать исследуемый институт в УК РФ, поскольку очевидно, что законодатель идет по пути активного его внедрения в положения уголовного закона. Мы предлагаем:

1. Сформировать в Общей части УК РФ понятие административной преюдиции. Так поступил, например, законодатель Республики Беларусь. В ст. 32 («Административная или дисциплинарная преюдиция») УК РБ отмечается, что в случаях, которые предусмотрены Особенной частью УК, уголовная ответственность за преступное деяние, не представляющее большой общественной опасности, наступает, если деяние совершено в течение одного года после наложения административного взыскания за аналогичное правонарушение [22].

Аккумулируя зарубежный опыт и теоретические разработки отечественных исследователей, в Общей части УК РФ можно разместить следующее понятие административной преюдиции: «В случаях, предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса, уголовная ответственность за преступление наступает, если деяние совершено лицом в течение одного года после наложения административного наказания за однородное или тождественное правонарушение».

2. Осуществить унификацию конструкций изложения преюдициальных норм в статьях Особенной части УК РФ, а именно:

а) использовать во всех преюдициальных нормах термин «лицо, подвергнутое административному наказанию»;

б) формулировать указание на административную преюдицию исключительно в диспозиции статьи, а не в ее названии или примечании к ней;

в) применять уголовную ответственность после совершения второго (повторного) аналогичного или однородного правонарушения в течение одного года после применения административного наказания.

Ссылки:

1. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // Бытко Ю.И., Бытко С.Ю. Сборник нормативных актов по уголовному праву России X–XX вв. Саратов, 2006. С. 468–491.
2. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // Там же. С. 578–758.
3. Малков В.П. Неоднократность правонарушения и административная преюдиция как средства криминализации и декриминализации содеянного в российском уголовном праве // Библиотека криминалиста. 2013. № 2 (7). С. 186–193.
4. Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3. С. 64–71.
5. Мустафаев Ч.Ф. Административная преюдиция в советском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986. 25 с.
6. Грунтов И.О. Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1985. 22. с.
7. Гошаев И.М. Административная преюдиция в уголовном законодательстве: понятие и виды // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 81–84.
8. Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 ноября 2009 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Кузнецова Н.Ф. Семь лет Уголовному кодексу Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2003. № 1. С. 3–19.
10. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право : учебник. М., 2008. 816 с.
11. Бахрах Д.Н. Административная ответственность граждан в СССР : учеб. пособие. Свердловск, 1989. 201 с.
12. Серков П.П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы. М., 2012. 479 с.
13. Иванчин А. О пользе разумного использования административной преюдиции в уголовном праве (в связи с постановлением Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П) // Уголовное право. 2017. № 4. С. 50–53 ; Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Общественная опасность – абсолютно объективный или «композиционный» (объективно-субъективный) признак преступления? // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 10. С. 125–128.

14. Соловей Ю.П. Российское законодательство об административной ответственности нуждается в совершенствовании // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 2. С. 56–63.
15. Карпова Ю.С. Административная преюдиция в российском уголовном праве // Перспективы науки. 2017. № 5 (92). С. 58–60.
16. Крюков В.В. Административная преюдиция в контексте достижения целей уголовного наказания // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступлений (IV Саратовские уголовно-правовые чтения) : сб. ст. по материалам IV Всерос. научно-практ. конф. (Саратов, 30 сентября – 1 октября 2019 г.) / под общ. ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2019. С. 199–201.
17. Кибальник А.Г. Недопустимость административной преюдиции в уголовном законодательстве // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 119–125.
18. Рыбак А.З. Административная преюдиция в уголовном праве // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. 2015. № 2. С. 116–121.
19. Малков В.П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. Казань, 2006. 140 с.
20. Безверхов А.Г. Возвращение «административной преюдиции» в уголовное законодательство России // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 48–53.
21. Приговор Усть-Лабинского районного суда № 1-116/2019 от 9 апреля 2019 г. по делу № 1-116/2019 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RdGeeGkOvLWQ/> (дата обращения: 13.11.2019).
22. Никитин Ю. Проблема административной и дисциплинарной преюдиции в уголовном праве // Юстиция Беларуси : юридический журнал. 2017. № 3. С. 31–37 ; Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-3 : ред. от 27 окт. 2019 г. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 13.11.2019).

References:

- Bezverkhov, AG 2012, 'Return of Administrative Prejudice into Criminal Law of Russian Federation', *Rossiiskaya yusticiya*, no. 1, pp. 48-53, (in Russian).
- Bitko, YI & Bitko, SYu 2006, 'Criminal Code of RSFSR 1922', *Collection of Normative Acts on Russian Criminal Law in the 19th – 20th Centuries*, Saratov, pp. 468-491, (in Russian).
- Bahrah, DN 1989, *Administrative Responsibility of Citizens in USSR: Textbook*, Sverdlovsk, 201 p., (in Russian).
- Bahrah, DN, Rossinsky, BV & Starilov, YuN 2008, *Administrative Law: Textbook*, Moscow, 816 p., (in Russian).
- Gruntov, IO 1985, *Criminal Law With Administrative Prejudice*, Minsk, 22 p., (in Russian).
- Goshaev, IM 2016, 'Administrative Prejudice in Criminal Law: Concepts and Types', *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, no. 7, pp. 81-84, (in Russian).
- Ivanchin, AO 2017, 'About the Benefits of the Wise Use of Administrative Prejudice in Criminal Law (According to the Constitutional Court Order of February 10, 2017, no. 2-P)', *Ugolovnoe pravo*, no. 4, pp. 50-53, (in Russian).
- Karpova, YuS 2017, 'Administrative Prejudice in Russian Law', *Perspektivi nauki*, no. 5 (92), pp. 58-60, (in Russian).
- Kibalnik, AG 2013, 'Inadmissibility of Administrative Prejudice in Criminal Law', *Biblioteka kriminalista*, no. 2, pp. 119-125, (in Russian).
- Kryukov, VV 2019, 'Administrative Prejudice in the Context of Achieving the Goals of Criminal Punishment', in NA Lopashenko (ed.), *Criminal Law Impact and Its Role in Crime Prevention (Fourth Saratov Criminal Law Readings)*, Saratov, pp. 199-201, (in Russian).
- Kuznecova, NF 2003, 'Seven Years of the Criminal Code of Russian Federation', *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*, no. 1, pp. 3-19, (in Russian).
- Lopashenko, NA 2011, 'There Is No Administrative Prejudice in Criminal Law!', *Vestnik Akademii Generalnoy prokuratury Rossijskoj Federacii*, no. 3, pp. 64-71, (in Russian).
- Malkov, VP 2013, 'Repeated Offences and Administrative Prejudice as a Means to Criminalization and Decriminalization of the Offence in Russian Criminal Law', *Biblioteka kriminalista*, no. 2 (7), pp. 186-193, (in Russian).
- Malkov, VP 2016, *Multiple Crimes: Nature, Types, Legal Effect*, Kazan, 140 p., (in Russian).
- Mustafaev, ChF 1986, *Administrative Prejudice in Soviet Criminal Law*, Moscow, 25 p., (in Russian).
- Prokhorov, LA & Prokhorova, ML 2017, 'Public Danger is an Absolutely Objective or "Compositional" (Objective-Subjective) Sign of a Crime', *Gumanitarnie, socialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, no. 10, pp. 125-128, (in Russian).
- Ribak, AZ 2015, 'Administrative Prejudice in Criminal Law', *Sovremennye problemi socialno-gumanitarnikh nauk*, no. 2, pp. 116-121, (in Russian).
- Serkov, PP 2012, *Administrative Responsibility in Russian Law: Modern Understanding and New Approaches*, Moscow, 479 p., (in Russian).
- Solovey, YuP 2014, 'Russian Legislation on Administrative Responsibility Needs To Be Improved', *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA)*, no. 2, pp. 56-63, (in Russian).

Редактор: Смирнова Светлана Леонидовна
Переводчик: Мельников Евгений Вячеславович